

Мовчан Павло

Павло Мовчан. «Круговорот». Стихи. Перевод с украинского. Издательство «Советский писатель». М. 1981.

ЦВЕТ ГЛУБИНЫ

Стекает соль прозрачности
с рисунка,
цвет глубины выходит...

П. МОВЧАН

ГАРМОНИЯ не состоялась. Нежная паутина, почутившаяся мне когда-то у Мовчана знаком поворота к умиротворенному пониманию, не стала символом его новой лирики. Тяжелой силой налилась «паутинка», струной натянулась, звенящей нитью сквозь качающееся мироздание: не удержать. Это и теперь лейтмотив: нить — строчка — игла — нить. Но если раньше безудержная энергия прошивала-пробивала мир навылет, простирая светом и звоном — теперь тяжко натянулась нить; весь мир на ней повис; тенью и тучей — на ниточке дождя, на ниточке песни: вот-вот оборвется, рассыплется...

Расползается снег
и чернеет —
болезнь белизы,
бахромится рубаха,
сечется,
полезла по швам,
крепче стисни клубок
и крученыю нитку лизни,

меж губами игла, как глоток,
обжигая прошл...

Белизна — чернеет... Солнце очерчено тенью, застяло в пепле. Под золотом — сталь, под золотом — кровь. Прежний сверкающий красками мир Мовчана: ослепительные цвета, «брожева хвилья», «блакитный крок», «тыша вишнева» — все смялось под ветром, под ударом какого-то высшего вихря. Ищу, откуда смятье, откуда

инвективы в адрес внешних противников носят эфемерный характер. Внешние оппоненты ему, в сущности, не нужны.

Глубокая истина его новых стихов заключается в том, что ощущение трагизма возникает не извне, а изнутри того самого — цельного, красочного, яркого, природного мира, которого Мовчан писал столь увлеченно. Именно тот, многоцветный, просторный, полный страсти, простроченный потом, сине-зелено-золотой сверкающий мир в себе самом обнаружил тайну и тревогу. Тревога неотчетлива, потому Мовчан определяет ее источник чисто метафорически: ветер, вихрь. Однажды он говорит: верховный шум. Может быть, поэзии повредила бы излишность определенности: ее предмет — тайна. Но путь к разгадке — путь самопознания. Предчувствовался строй и смысл в многопестром мире, купола хотелось над кипением жизни... Теперь купол есть, но из-под купола веет грязью. Стой, космос, логос ощущались в природной матме, — но это логос горечи. Когда-то мир был прочен круговоротом — теперь разорвался круг, раскрытилась спираль, ушла концом в бездну... Так что название сборника — «Круговорот» — несколько устарело для Мовчана, он видит мир уже не в круговом природном возобновлении, а в однократности и неповторимости личностного бытия, и отсюда горечь — горечь об уходящем: не возвращишь...

Не возвращишь ушедшего дня, не возвращишь пращура, не взяты на гушку, — мое место среди них, разумеется... Но, к счастью, в выпадах Мовчана нет последовательности, и его

— какой ценой, когда рвется по живому?..

...Разгулялась
по тканям игла —
да и как полоснет.
To все стеблем да гладью
и вдруг по груди-то —
расползается плоть,
уж не держит ее полотно,
размокают основы,
расходятся связи.

Потом
разорвутся слова,
расстегнутся мгновенья;
тотчас

истончатся
волокна терпенья
и лопнут; а там
вмиг потягивается трещина
и зазмется с плеча;
и одежда — к ногам,
и — блестит нагота...

Перевод Е. Сергеева, который я цитирую, объективно, по качеству русского стиха — лучший в книге. Хотя он и неадекватен стиховой интонации Мовчана. Пронизывающие строку сквозные «консонансы», подхваты звукописи, вообще голосовой нахим, с помощью которого Е. Сергеев собирает строки стиха в мускулы, — все это великолепно действует на мое русское ухо, но Мовчан, насколько я чувствую, несколько иной. Он импульсивен, неистов, непредсказуем, то той нервической «задышки», которую виртуозно показывает в стихе Сергеев, у него нет. Мовчан удивительно здоров духом, и не просто передать в русском стихе владеющие им тревожные предчувствия. Потому-то и мучаются перездочки, и запарываются там и сям в носогайзые, когда пытаются записать возбужденный пульс этого стиха. Ни А. Кушнер с его акварельным словесным кружевом, ни Ю. Ряшенцев с его пастернаковскими скачками красок (беру сильнейших) не передают точно того, что называется стиховым дыханием оригинала. Оно и не передаваемо. Говорят, С. Гандлевский интонационно приблизился к Мовчану. Знатоки украинского стиха указывали мне «абсолютные попадания»... Не знаю. Не действует! Не ИНТОНАЦИЕЙ работают переводы: в украинском и русском стиховом поле действуют разные варианты магне-

тизма — то, что сильно там, слабо тут, и наборот. Значит, в русском переводе надо искать не адекват, а компенсацию, и Евгений Сергеев прав, когда форсирует в голосе Мовчана те струны, которые до русского уха способны донести... что? Ткань? Ткань непереводима. Дух! Дух донести! Дух той драмы, которая сотрясает поэта. То самое, зачем я и слежу: как читатель, беря стихи Мовчана, — раздумье человека, который согласен принять мироздание только в его единстве, только в сплочении венок, только в кровном родстве с пращурями, а пращуры во прахе, а века наули, и вихрем разметает стежни, едва сметанные... Цитирую на «мование», чтобы дать почувствовать вкус: «Метровою голкою шлях позшивали, що весь разволіся...». Само слово в опасности, дрожит речь от перенапряжения, расщепляется звук, пресекается голос, но и в горечи молчания есть упрямая сила духа, в самом характере есть, если так докапывается до тайны, сдвигая слова, ища в них «наготы», ухватывая «корень», удерживая «вечное» и знане: не удержать...

...Все вернулось к началу,
напрасно мотал ты клубон.
В наготе
ты приходиши на свет
и отходиши на смерть.
На игольном огне
истлезает ночной мотылен,
и пыльца, оголяя крыло,
падает на снег.

Павло Мовчан — поэт, отнюдь не сконцентрированный только на состояниях своей души; просто я концентрирую на этом внимание. Широкий круг историко-культурных интересов, жгучая задетость острыми проблемами украинской истории, ревность к векам — все это видно из книги «Круговорот». Еще более Мовчан как историк (старинное слово «историософ» больше бы подошло к данному случаю) выявился в запальчивых статьях, знакомых читателю по периодике: в страстной защите пракуринского, праславянского слова как ядра и истока, в котором концентрируется для Мовчана духовный стержень жизни, фатально упускаемый нами (как он уверен) в повседневной текучке. Здесь о многом я мог бы поспорить с Мовчаном как с публицистом... Но сейчас перед нами — поэт. Публицист может ошибаться в рациональном осмысливании источников тревоги, но в факте тревоги поэт ошибаться не может; в этом поэты не ошибаются, а именно в этом — в ощущении бытийной тревоги, исключающей благодущие, — Мовчан мне интересен и близок.

Первоначальный, сверкающий красками, игравший силой, солнечный мир распался. «Проступает жизнь иная, как с таинственного дна». Как это говорили на Сечи: не тот казак, что на коне, а тот, что под конем? Ну, так это и есть настоящий духовный «досвід». Л. АННИНСКИЙ